

НЕУГАСИМЫЙ СВЕТОЧ

Не помню, когда впервые познакомился со стихами Шевченко; не помню, когда впервые увидел его картины и когда заучил стихи его наизусть. Ничего этого не помню, потому что «Кобзарь» относится к понятию чтения точно так же, как понятие материнского молока к слову «пища». Но все-таки это и чтение. Слова Н. Г. Чернышевского: «Имея такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности» — очень убедительны до сего дня, потому что, выносив в себе Шевченко, созрев до него, украинская поэзия естественно вошла в круг великих мировых литератур и навсегда обозначена в этом круге им, Шевченко.

Что можно сказать о нем? Кажется, что все уже сказано и написано, а всякий раз, размышляя о величии этого человека, ощущаешь бесконечность и постоянную необходимость его уроков. Само ощущение Родины принимает в себя такие жизни, прорастающие сквозь благодатную почву искусства в безграничность народного бытия: Руставели, Пушкин, Шевченко, Лев Толстой... Кто мы без них?

Снова и снова перелистываю единственную его книгу, трещаю памятью жизнь его, дела, планы, даже само имя его.

У Шевченко совершенно два совершенно равноправных имени. Кобзарь — так звали странствующих народных певцов, и так он нарек свою книгу стихотворений и поэм. Это имя от корня, от традиции — в кобзари некогда уходили израненные войны, которые уже не могли сражаться мечом, но оставались в битве. Второе, данное при рождении, имя Тарас тоже известно всему миру на равных с самыми великими именами; этимологически оно происходит от «бунтарь, беспокойный»... Шевченко недвусмысленно всем. Очень убедительно сказал о нем А. В. Луначарский в своем докладе, прочитанном за шесть лет до Великого Октября: «Велик Шевченко, как национальный украинский поэт, но еще более велик он, как поэт народный. И всего более он велик, как поэт глубоко революционный и, по духу своему, социалистический».

Ощущение социалистического Отечества органично принимает слова и уроки Кобзаря в свою сущность. Мы вспоминаем его ближайших друзей и соратников — они тоже предтечи нашего мира, нашей культуры. Перечислю, к примеру, лишь некоторых из тех, кто был с Шевченко в последние месяцы его жизни и провожал Кобзаря в последний путь: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, Н. Г. Помяловский, Н. С. Курочкин, М. Л. Михайлов...

Народность Шевченко всегда была связана с его желанием опутить главные из народных забот и приложить все силы к тому, чтобы добавить света, ума, благополучия тем, кто лишен всего этого, как сам он был лишен в детстве даже проблесков радости.

Жизнь эта начиналась в крепостном рабстве, темноте, голоде; заканчивал он ее как один из самых ответственных и причастных к идеалам свободы трудящихся мыслителей современной Европы.

Чистота его замыслов удивительна. В 1860 году Шевченко, уже тяжело больной, создает «Букварь южнорусский». В Петербурге, в императорской Академии художеств его за год до смерти наконец удостоивают звания академика-гравера. А он, академик из черни, пишет букварь. Жизнь, начавшаяся с того, что крепостной, нищий украинский подпасок, обучал грамоте вопреки всей неволе и темноте, царившим в окружающем мире, завершается составлением букваря для тех, кому жить завтра. Он стал грамотен и научился рисовать — вопреки; он освободился от крепостной зависимости — вопреки; он написал «Кобзаря» — вопреки; он стал ака-

демиком... Когда в 5 часов утра 10 марта 1861 года сердце Тараса Шевченко остановилось, жизнь слов, написанных им, жизнь его картин, офортов, легенда о Кобзаре ушли в бесмертие.

При жизни он испытал множество мук, включая одну из самых лютых — царем утвр-

по-русски; он великолепный мастер и русского слова — за исключением нескольких украинизмов, вроде «так само» в цитируемом отрывке, его русский язык и стилистика идеальны. «Если бы красота во всех ее образах хотя бы на половину человечества имела свое благотворное влияние, тогда

и всякий раз, перечитывая Шевченко, диву даешься, заглядывая в его бездны.

Он интеллигент, да еще и какой! Не любящий, когда его представляют этаким мужичком, знающим цену мудрости, гордый тем, что может возвышать свой народ до уровня высочайших вершин мирового знания. На деревенском склоне он свой, но и среди ярчайших представителей столичной интеллигенции он — из самых заметных.

Разговор о Кобзаре — это и размышление о эзотеричности, о недопустимости двуличия, о позоре предательства. Шевченко, повторяю, определен во всех отношениях, в том числе классово. И не случайно, что одним из первых памятников деятелям культуры после революции ленинским декретом был намечен к установке памятник Тарасу Шевченко. Не случайно в скульптурное изображение Шевченко стреляли в Киеве времен гражданской войны денкины, а в Каневе времен Великой Отечественной — гитлеровцы...

У Александра Довженко в фильме «Арсенал» есть саркастический эпизод о том, как Кобзаря хотят приспособить к защите лжи. Националисты разжигают лампаду перед портретом Шевченко, висящим, будто икона, в углу, угодничают перед ним. Но губы у нарисованного Кобзаря зашевелились, и он плывет во вражескую лампаду. Шевченко неумолим и бескомпромиссен.

Когда франкисты разожгли в Испании огонь гражданской войны, против них сплотились интернациональные антифашистские бригады. Одно из самых непримиримых в бою республиканских подразделений звалось батальоном имени Тараса Шевченко. В годы Великой Отечественной Кобзаря изображали на плакатах, зовущих к отпущению оккупантам; после Победы, в трудные годы возрождения, можно было часто видеть плакат со словами: «И на обновленной земле врага не будет постыта; а будет сын, будет мать и люди будут на земле». Это также его, Тараса Шевченко, строки...

Перечитал написанное, и ощущение, что я идеализирую Шевченко, не возникло ни разу. Это нам необходимо: безукоризненность великой жизни, убедительность великого примера, перед которым душа стоит навзрыд, и понимаешь, что так и надо.

Удивительна чистота этого человека. Помню, сколько грязи в свое время лили на него в иных североамериканских газетах, пытаясь помешать открытию памятников Тарасу Шевченко в Канаде и США. Ну и что? Помню, как пытались пристегнуть искаженный образ Шевченко (и сейчас пытаются) к антисоветским иконостасам. Ну и что? Человек этот во все времена недвусмыслен. Всегда возставившийся за народ, противопоставивший себя крепостнической и шовинистической тирании, он возвышал голос до крика лишь тогда, когда отстаивал честь и достоинство тех вот самых, пользующихся современной терминологией, простых тружеников, одним из которых считал себя: «Другими, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскующую чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!»

В мартовском номере журнала «Всесвіт», где я работаю, мы подготовили к публикации индийский роман, переведенный с тамильского языка. В центре романа — судьба индийской девушки, читающей поэму Тараса Шевченко и решающей многие свои личные проблемы под влиянием шевченковских строк. Обращаясь к нашим читателям, автор романа, Джеякандан, пишет: «Я осознал, что Шевченко — художник, поэт, гуманист — прежде всего был непоколебимым борцом за счастье простых людей земли. До чего же сильно влиял дух Шевченко на мое собственное писательское мировоззрение, особенно во время работы над романом... Сколь же велика его

магическая сила влияния!»...

Это ведь один только пример. Существует целая литература о Шевченко, в которой на десятках языков мира анализируются великие провидения Кобзаря, бесконечность его веры в счастливое будущее человечества и в то, что угнетатели будут в конечном счете устранены из жизни народным восстанием навсегда. В эпоху, когда революции в Европе лишь назревали, он предсказывал эти революции, провидел их, принимал кару за свой призыв и до последнего вздоха хранил верность великой идее народовластия. Он ждал всенародного бунта, был готов к нему; в «Завещании», формулируя величайшую мечту свою, наставлял: «Похороните и вставайте, кандалы порвите...».

Он был поэтом вражды — социальной, классовой. Он был непримирим, как пчела, — готов был погибнуть, жалея, но не уклонялся от встречи с противником, от взгляда в глаза ему — того самого взгляда, который при аресте 1847 года порождал даже опытных жандармов, страшил их.

Но еще в большей, в неизмеримо большей степени был он поэтом дружбы. Рядом с призывом к восстанию в «Завещании» сформулирована мечта о справедливом мире: «И меня в семье великой, семье вольной, новой...» Он хорошо знал, что люди и народы в одиночестве гибнут; его самого множество раз пытались обречь на необитаемые острова. Завтрашнее человечество представлялось ему именно семьей: вольной, новой. Если начать цитировать высказывания Тараса Шевченко о величии, красоте, уме представителей самых разных народов, антология будет огромна. Как — опустившись за честь поруганного Кавказа! Любил негритянского трагика Айру Олдриджа и великого русского актера Щепкина, воспевавший детей-киргизов, плакал над угнетенным царизмом Украинной так же, как над угнетенной самодержавиями Россией. В то же время радовался красоте и достоинству народным, как надежде, как призыву того, что гнет будет сокрушен всенепременно.

Говоря по-современному, он величайший интернационалист, Тарас Шевченко. Он предтеча нашего интернационализма. А если говорить о культуре межнациональных отношений, то образец на все времена.

...В тот черный день, когда в Петербурге хоронили Кобзаря, над его гробом выступали ораторы на трех языках — украинском, русском, польском. В дни столетия со дня его смерти, а затем столетия десятилетия со дня рождения в Киеве состоялись всемирные конгрессы памяти Тараса Шевченко, и заседания проходили в здании Верховного Совета Украинской ССР. Советская страна доказала свое духовное родство с великими детьми советских народов. Шевченко в их числе.

Согласно точнейшему высказыванию В. И. Ленина по поводу запрета, наложенного царизмом на празднование столетия Кобзаря в 1914 году, «Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себя нельзя».

Все те, кто хотел запретить его, кто намеревался злоупотребить им, извратить его, ушли в забвение и бесславие. Он непобедим, как Великая социалистическая революция, одним из предтеч которой был Шевченко; как великая наша культурная революция, которая тоже близка ему (многие поколения детей Украины учили грамоте по «Кобзарю») — он непобедим, потому что сросся с мечтой и судьбой народа.

Ему исполняется сто семьдесят лет, а ведь прожил он на свете всего сорок семь — удивительные законы бессмертия, справедливы и социальны. В этот юбилей они тоже сработали со всей неумолимостью правды. Сегодня мы снова приходим к бессмертному человеку, к Тарасу Григорьевичу Шевченко. Снова передумываем, припоминаем все, что знаем о нем, все, что наши дети должны будут о нем знать. Дети и внуки отпразднуют его двухсотлетие — будет это уже в следующем, третьем тысячелетии нашей эры.

КИЕВ.

Виталий КОРОТИЧ

денную ссылку в солдаты с заперением писать и рисовать. «Отнять благороднейшую часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора», — записывает Шевченко 19 июня 1857 года, вспоминая все, что довелось вытерпеть. Но уже тогда, когда он записал эти слова, жизнь и дело Кобзаря были неисчерпаемым источником силы для многих и многих людей. То, что страдал он лично, никогда не обесценивало других. Страдание это очень редко становилось плачем над собственной растерзанной жизнью. Постоянно ощущая себя каплей в реке народного бытия, а дни свои — мгновениями в бесконечном потоке народной истории, Шевченко печалился о народе. Это очень важно, потому что и собственную боль Кобзарь воспринимает как часть ноши, которую он, Шевченко, снимает с народного сердца и принимает на свое. Вдумчива и очень убедительна его формулировка целей, поставленных поэтом перед собой: «Возвеличу малых рабов тех немых и на страже возле них поставлю слово...».

К непоколебимым основам его характера и мировоззрения постоянно принадлежит вера в справедливость, в красоту, в добро и, кроме этого, понимание, что именно обездоливает народ, готовность к борьбе и спокойная уверенность в том, что свои силы он, Шевченко, сумеет посвятить великому делу, важнее которого нет и не может быть. Он максималист; в повести «Художник» замечает: «Вообще в жизни средняя дорога есть лучшая дорога, но в искусстве, в науке и вообще в деятельности умственной средняя дорога ни к чему, кроме безымянной могилы, не приводит».

Для того чтобы жить таким образом, необходим был характер поистине нестигаемый. Чтобы быть добрым, надо быть категоричным ко злу, очень определенным в критериях.

...Узнав, что кода тайства петербургских друзей возымели действие и царская амнистия наконец-то коснулась его, что долгие месяцы заключения подходят к концу, Шевченко 20 июня 1857 года делает запись в своем «Журнале». Оглядываясь на минувшие сто двадцать четыре месяца заключения, он замечает: «Странно еще вот что. Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо». Шевченко в ту пору было сорок три года; позади остались десять лет и четыре месяца солдатчины, двадцать четыре года жизни в ярме крепостного крестьянина; впереди — четыре года угасющей жизни, да еще и под недремлющим жандармским надзором. Но неистребимая человечность этого мученика и героя, вера его в ум и благородство не были обожжены дочерна ни одним из страданий: «Я люблю или лучше сказать обожаю все прекрасное как в самом человеке, начиная с его прекрасной наружности, так само, если не больше, и возвышенное, изящное произведение ума и рук человека». (Кстати, я цитирую русскоязычный текст, дальше процитирую стихи, написанные Шевченко

бы мы быстро близилась к совершенству», — мечтает он.

Если бы это вправду было так! Отчаянная надежда на то, что красота обновит мир, посещала не одного уже из великих и для многих оставалась недосягаемой. Говоря о Шевченко, я хочу подчеркнуть активность его поиска, активность его устремленности к добру и красоте. До чего же он хорошо понимал, как уродуют мир бесправие и несчастье! Ему нужен был человек не просто красивый, ему необходим был счастливый человек, а счастье для трудящихся и крепостнической Россия суть понятия несовместимые; это он знал. Но оставалась мечта: «...торжество и венец бессмертной красоты — это оживленное счастьем лицо человека. Возвышеннее, прекраснее в природе я ничего не знаю».

Он спасал всех, кого считал нужным спасти и кого мог. Он при жизни спасал и спасал после смерти — от темноты, несправедливости, гнета. Спасал, не только призывая к взаимному сочувствию — он к восстанию звал.

...Через много лет после смерти Кобзаря полиция ищет в его могиле спрятанное оружие: самое настоящее, не метафорическое — сабли, ножи. А его оружием — непобедимым, мощным — оставались великие мысли, слова, впитавшиеся в человеческие души.

За всю историю литература рождала очень немного — считаем единицы — таких рыцарей без страха и упрека, мыслителей, столь определенных в каждом из поступков и слов своих. Впрочем, прав ли я, сказав «литература рождала»? До чего же неназучно народен был он! Здесь и не пахло тем вот самым писательским прилежанием, созерцательным народолобием, которым декоративно изымают иные из представителей литературского цеха во все времена. Шевченко был народом; он не отделен от народной судьбы ни в одной из знаменитых подробностей, ему никогда не бывало благополучнее, чем тем людям, за чье благополучие он боролся. Кредо, некогда сформулированное в поэме «Тризна», имело непосредственное отношение к самому творцу:

Без малодушной укоризны
Пройти мытарство трудной
жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь
людей,
Прочсть все черные
страницы,
Все беззаконные дела...
И сохранить полет орла
И сердце чистой голубицы!
Се человек!

Евангельское «Се человек!» произносится им, богоборцем и правдоискателем, с требовательностью и восхищением. Не согнутый и тем более не сложенный унижениями, мукой, Шевченко знал, к чему стремиться, что отстаивает.

О нем нельзя говорить с умилением. Ничего похожего на всепрощение Шевченко не исповедовал никогда; он знал, что даже отмытому не всегда становится легче, но тех, кто безропотен, он никогда не возводил на пьедестал. Если уж народное восстание, то такое, как в «Гайдамаках», если бунт против церкви, то такой, как в «Еретике», если месь, то как в поэме «Варнак». Страсти воистину шекспировского масштаба; все — потрясающе, все — в глубину. Он прост великой простотой гения,